

LES PRÉLUDES,
PAR M-ME CAROLINE PAVLOF,
NÉE JAENESCH
(«ПРЕЛЮДИИ» КАРОЛИНЫ ПАВЛОВОЙ,
УРОЖДЕННОЙ ЯНИШ)
PARIS, 1839

Во Франции явилась книга, на которой встречаем мы русское имя, и хотя язык, каким она написана, не наш, но все-таки это произведение русского таланта, и мы с радостью причисляем ее к явлениям нашей литературы. Мы говорим про книгу, заглавие которой выписано выше: это — собрание переводов на французский язык с английского, немецкого, русского и др. — Перевод, говоря вообще, может иметь различное достоинство, смотря по тому, как выполняет он свое назначение. Мы видим много переводов, более или менее приближающихся к подлиннику, переводов одушевленных, иногда пламенных, но в которых большею частью заметно субъективное чувство переводчика, принадлежащее ему собственно, а не переводимому им автору: следовательно, самое произведение художника остается непередаанным вполне. На такой степени перевод еще не достигает своего истинного назначения; мы можем называть его *поэтическим* — не более.

Значение перевода выше. Переводчик, уже свободный от субъективного воззрения, с одной стороны, разрушает словесные формы произведения на одном языке и в то же время, с другой стороны, облакает его в новые формы другого языка, ему вполне соразмерные, и когда произведение поэта выходит из-под руки его в новой, соответственной одежде, не теряя нисколько своей художественности, — тогда переводчик становится сам причастен той великой творческой минуты художника, в которую родилось его произведение. Это мгновение исполнено высокого блаженства для переводчика. Перед ним, его собственным вдохновением, открывается тайна великого создания, которую понимает он деятельно, творчески, воспроизводя это создание на другом языке и облакая его в иную, также художественную форму. Чтоб быть таким переводчиком, нужно необходимо иметь художнический элемент, для того чтобы творчески постигнуть творческое произведение. Такие только переводы называем мы совершенными, *художественными*, и к таковым-то переводам относим мы переводы г-жи Павловой. Нам ясно теперь и то, отчего г-жа Павлова переводит не на один язык, но на несколько: мы понимаем высокое ее наслаждение. Но если переводчик испытывает блаженство, как творящий, воссоздавая произведение художника на новом языке, то читатель испытывает наслаждение, созерцая то же произведение в новой, вполне соответственной форме. Такое наслаждение испытывали мы, читая переводы г-жи Павловой. К впечатлению нашему примешивалось изумление: неужели это точно французский язык? неужели на нем, бедном, жалком, могут быть переданы произведения Гете, Шиллера, Пушкина? Но этот язык почувствовал тогда (чего он никогда не чувствовал) прикосновение творческой руки, воплощающей в ней художественную идею, и под этой зиждущей рукою переводчицы передал он создания, ему чуждые, создания истинных поэтов; такое явление не могло быть произведено французом. Если же и на том, все-таки бедном и поверхностном языке (потому что существо языка никакая сила переменить не в состоянии) г-жа Павлова могла передать произведения истинной поэзии, то можно себе представить, что такое ее переводы на немецкий язык, глубокий и поэтический, приветно принимающий всякую идею в свои формы!.. Мы отсылаем наших читателей, желающих иметь о том понятие, к собранию переводов г-жи Павловой, изданному в Германии, под названием «Nordlicht» *¹. Это торжество перевода; язык помогает ему здесь явиться во всем своем достоинстве, т. е. не как списку или субъективному подражанию, а как свободному творческому воссозданию художественного произведения. <...>

* «Северное сияние». — *Ред.*